

На следующее утро он отправил Цинь Цяньцзе в район, где продавали одежду в китайском стиле. Хотя это и называлось китайским стилем, в глазах Юнь Циньги это была лишь современная одежда с добавлением некоторых античных элементов. У Лу Жаня кожа была не слишком светлой, ближе к пшеничному оттенку, как и у Цинь Цяньцзе, поэтому светлые тона ему не шли. Юнь Циньги выбрал свободную хлопково-льняную рубашу светло-серого цвета с круглым воротом и китайскими пуговицами-узелками, а к ней — широкие штаны, сужающиеся к щиколотке. Брючины были настолько объемными, что, если стоять смирно, они напоминали юбку.

На ноги выбрали темно-синие тканевые туфли на мягкой подошве. Цинь Цяньцзе посмотрел на свое отражение в зеркале:

— Так гораздо лучше. Вот если бы еще парик с заколкой или, как у тебя, волосы просто распустить...

— Не надо... Оставь как есть.

Цинь Цяньцзе доехал до места, указанного Су Чэнем. Едва он вышел из машины, как увидел, что Су Чэнь уже ждет его у входа. Сегодня Су Чэнь был в очках, и Юнь Циньги подумал, что тому, похоже, придется носить их даже во сне... Ну и ну, этот Глава Союза Боевых Искусств даже не осознает, в какую яму сам себя загоняет!

Увидев наряд Цинь Цяньцзе, Су Чэнь просиял. Он привык видеть его в повседневной одежде или деловых костюмах, но в таком облачении тот выглядел по-особому — чувствовалась какая-то древняя, летящая легкость.

Су Чэнь видел, как Лу Жань дорожит этой ролью, и про себя решил: если другая сторона будет упрямиться, он просто увеличит инвестиции. А если и это не поможет, то выкупит похожий сценарий и снимет фильм через компанию Хунфэн, сделав Лу Жаня главным героем.

Юнь Циньги не знал, что за те несколько шагов, что они прошли, Су Чэнь успел продумать план на годы вперед. Лу Жань вошел вслед за Су Чэнем в забронированный номер. Внутри уже сидели двое мужчин. Су Чэнь представил их: старшего звали Чжао Цянь, а младшего — Сунь Ли.

Чжао Цянь, с каменным лицом кивнув вошедшим, окинул Цинь Цяньцзе изучающим, равнодушным взглядом. Сунь Ли же, увидев наряд Лу Жаня, пришел в восторг: темперамент этого человека идеально соответствовал его представлению о настоящем герое.

Юнь Циньги прислушался. Имена у обоих были довольно простыми, но звучали созвучно. Взглянув на их лица, он всё понял. Лу Жань вежливо поздоровался, и они сели. Чжао Цянь, казалось, жаждал поскорее закончить эту встречу, которую считал бессмысленной, но был вынужден терпеть из вежливости. Как только Лу Жань уселся, он даже не стал тратить время на любезности, а прямо спросил:

— Господин Су сказал, что вас очень интересуется главный герой Бедствия ветра и облаков. Почему?

— Кто написал сценарий? Посоветуйте автору изменить имя главного героя на Цинь Цяньцзе.

Трое мужчин и Система впали в ступор — разница была лишь в том, что именно пронеслось у них в головах.

Су Чэнь: Лу Жань сегодня... нет, в последнее время ведет себя как-то странно. Неужели это из-за меня?

Чжао Цянь: Понятно, еще один толстосум, который считает себя пупом земли. Ни о чем не договорились, а он уже указывает, что делать. Что будет, когда он попадет на площадку?

Сунь Ли: О? Этот человек интересен. Надо бы с ним поболтать.

Юнь Цинъи: Цинь Цяньцзе, бесстыдник!

Эти слова прозвучали прямо в голове у Цинь Цяньцзе.

— Я лишь указываю на их ошибки, чтобы готовый продукт выглядел профессиональнее, — ответил он.

После этой фразы воцарилась тишина. Су Чэнь как раз собирался перевести тему на требования к исполнителю главной роли, но Сунь Ли подхватил неловкое замечание Цинь Цяньцзе:

— Почему вы предлагаете изменить имя на Цинь Цяньцзе?

Цинь Цяньцзе, разумеется, не мог сказать, что его самого зовут Цинь Цяньцзе, а не Цинь Лун.

— Ветер и облака олицетворяют мир боевых искусств, а бедствие — это игра слов, означающая как катастрофу, так и человека. Цяньцзе может означать, что герой прошел через тысячи испытаний, чтобы стать первым, а затем сам стал избавлением от бедствий для других, — с серьезным видом ответил он.

— Вы изучали историю династии Далуань? — спросил Сунь Ли.

— Я люблю читать всякое, много лет назад попадалась книга, кое-что запомнил, — не моргнув глазом, продолжил плести небылицы Цинь Цяньцзе.

— Династия Далуань была очень короткой, но, по-моему, невероятно очаровательной. Я читал одну псевдоисторическую хронику о временах Юньхун, где упоминалось множество героев. Самый искусный мастер носил фамилию Цинь и имя Цинь Цянь. Поскольку имя звучало женственно, я заменил его на Цинь Лун. Но после ваших слов я думаю, что это имя просто замечательное, — воодушевленно сказал Сунь Ли.

— Видишь? Я же говорил, что я и есть прототип, — самодовольно сказал Цинь Цяньцзе Юнь Цинъи.

— Я сценарист и создатель этого текста. Сначала хотел написать роман, но чем дальше, тем

больше чувствовал, что история должна быть объемной и живой, поэтому решил снять фильм. У меня есть наработки по костюмам и декорациям времен Юньхун. Мне кажется, все современные исторические драмы стали слишком однотипными. Дадите совет? — Сунь Ли достал планшет и показал Лу Жаню множество эскизов.

Цинь Цяньцзе взглянул:

— Неверно. Одежда времен Юньхун была изысканной и роскошной, но при этом сдержанной и уникальной, не похожей ни на одну другую эпоху.

Юнь Цинъи, скрестив руки, сидел внутри сознания Цинь Цяньцзе:

— Посмотрим, как ты будешь выкручиваться. В народе носили простую одежду тусклых цветов с минимумом вышивки. И как ты собираешься сделать её изысканной?

Наряды Юнь Цинъи и Цинь Цяньцзе были необычными лишь потому, что учитель Юнь Цинъи, Мо Бужан, любил путешествовать и вместе с Гу Саньсы привозил из далеких земель редкие ткани. Только поэтому они выглядели так эффектно.

Сунь Ли был аспирантом и специализировался на истории династий. Он любил писать романы, заполняя пробелы в данных о малоизвестных или коротких эпохах плодами своего воображения, чтобы воплотить мечту о путешествиях по миру боевых искусств.

Услышав, что Сунь Ли изучает историю, Юнь Цинъи велел Цинь Цяньцзе спросить, что стало с династией после того самого землетрясения девятой степени. При упоминании об этом лицо Сунь Ли исказилось от боли. По его словам, династия Далуань была очень недолговечной — просуществовала менее ста лет, сменив двух правителей. Причина падения была печальной: не войны и не человеческие грехи, а стихийные бедствия. После того землетрясения на страну обрушилась череда несчастий: наводнения, повторные толчки, извержения вулканов, и в конечном итоге она исчезла в реке истории.

Юнь Цинъи и Цинь Цяньцзе замолчали. На душе стало тяжело: оказывается, их ждало столько бед.

Сунь Ли, увидев скорбное лицо Лу Жаня, решил, что нашел единомышленника:

— Хотя династия Далуань была короткой, я считаю, что боги позавидовали её красоте. Она воплощала мечты многих об идеальном обществе: свобода, мир, самоконтроль, честные правители и благородные аристократы.

В глазах Сунь Ли снова вспыхнул огонек:

— Поэтому я хочу снять историю о герое Цине, о том, как он встретил мастера Юня, и как они вместе странствовали по свету. О судьбе героя Циня я перечитал кучу книг: одни говорят, что он погиб во время бедствия, другие — что ушел в уединение.

— Возможно, он сидит прямо перед вами, — серьезно сказал Цинь Цяньцзе.

— А? Ха-ха-ха, брат Лу, вы такой шутник... — Сунь Ли принял это за шутку, но, увидев серьезное выражение лица собеседника, вдруг осекся: — О, точно-точно, прямо передо мной. Вы выглядите точь-в-точь как тот герой из моих снов...

Су Чэнь, видя, что сценарист и Лу Жань отлично ладят, решил, что шансы получить роль велики. Он начал обсуждать с Чжао Цянем производственную команду, бюджет и локации. Чжао Цянь по-прежнему держался отстраненно, понимая, зачем Су Чэнь всё это выведывает. Он не хотел, чтобы капитал вмешивался в творческий процесс, поэтому отвечал уклончиво. Однако Су Чэнь все же уловил суть и примерно оценил бюджет.

Бюджет был мизерным. Денег катастрофически не хватало! Чжао Цянь был человеком идейным, с тяжелым характером и презирал деньги. Его фильмы были качественными, но их было мало, что привело к замкнутому кругу. То, что он взялся за Бедствие ветра и облаков, означало, что сценарий ему по душе. А то, что исполнитель главной роли не выбран, скорее всего, означало, что либо денег на звезд не хватает, либо те сами не хотят связываться с малобюджетным проектом.

Чай в чайнике заваривали снова и снова, пока он не стал почти прозрачным, а Цинь Цяньцзе и Сунь Ли всё продолжали увлеченно беседовать. Чжао Цянь почувствовал, что если продолжит слушать, то выдаст все секреты, и не выдержал:

— Ну что?

— А? Да всё отлично... — Сунь Ли не понял вопроса и ответил буквально. Чжао Цянь с силой потер виски.

— Спрашивай напрямую про бюджет и главную роль, — подсказал Юнь Цинъи.

— Режиссер Чжао, раз исполнитель главной роли не утвержден, может, дадите мне шанс? К тому же, зная ту эпоху, скажу: если хотите хорошей картинки, декорации и костюмы съедят львиную долю бюджета. С вашими средствами нанять актера первого эшелона почти невозможно, — Цинь Цяньцзе с полуулыбкой ударил в самое больное место.

Чжао Цяня можно было упрекнуть в отсутствии вкуса или плохих фильмах, но нельзя было отрицать факт нехватки денег — это была правда! В отличие от изворотливости Су Чэня, прямота Цинь Цяньцзе застала его врасплох.

— Да! Денег действительно не хватает. После разговора с вами я даже засомневался, стоит ли продолжать, — поддакнул Сунь Ли.

Чжао Цянь дернул глазом и посмотрел на Сунь Ли так, словно хотел придушить. Он уже подумывал найти предлог, чтобы закончить встречу, но Цинь Цяньцзе не собирался отступать:

— Возьмете меня — сэкономите на многом: постановщике боевых сцен, дублерах, декораторах. Мой гонорар невелик, к тому же я готов вложить свои деньги. Вы останетесь в выигрыше!

— Ты не слишком много хочешь на себя взять? — холодно заметил Чжао Цянь. Те, кто вкладывает свои деньги, обычно требуют переписать сценарий или увеличить экранное время.

А этот хочет контролировать всё — может, мне еще и режиссерское кресло тебе уступить?

— Точно! Вы так хорошо разбираетесь в деталях, это избавит нас от пустых фантазий и поможет избежать однотипности! — глаза Сунь Ли сияли, кажется, он был готов светиться от счастья.

— Что значит не нужны дублеры? Ты что, владеешь боевыми искусствами? — в нынешней индустрии, если актер хоть немного умеет драться, его данные навсегда сохраняются в памяти режиссеров. Это такая редкость, что на дублеров приходится записываться в очередь. Откуда в компании Хунфэн такой человек? Если бы у них был кто-то талантливый, его бы уже давно продвинули!

— Умею. С детства занимаюсь, правда, не мастер, — скромно ответил Цинь Цяньцзе.

Юнь Цинъи: Ну вы даете, скромник. Когда вы гонялись за мной, чтобы подраться, вы говорили совсем другое...

Чжао Цянь быстро придумал способ выйти из ситуации, не потеряв лица:

— Завтра в два часа дня жду тебя на площадке для спецэффектов. Господин Су знает адрес. Покажешь боевую сцену. Если справишься — роль твоя. И инвестиции примем, и сценарий подправим, хоть вторым режиссером становись!

— Дзынь! Значение изменений +20, баланс 85.

Услышав сигнал, оба обрадовались. Похоже, Чжао Цянь действительно изменил свое мнение, и шансы Цинь Цяньцзе получить роль велики.

Встреча закончилась уже к ужину. Су Чэнь пригласил всех поесть, но Чжао Цянь не хотел больше оставаться в его компании — промывка мозгов от Су Чэня была слишком сильной, еще немного — и его решимость превратилась бы в руины.

Чжао Цянь уже лихорадочно искал повод отказаться, когда Сунь Ли отрезал:

— Не пойдем!

Чжао Цянь взглянул на него: этот простак оказался очень кстати! Сунь Ли продолжил:

— Я думаю, брат Лу всё правильно сказал. Мне нужно вернуться и перепроверить материалы, чтобы брат Лу мог лучше вжиться в роль.

Чжао Цянь чуть не упал в обморок от злости — прозвучало так, будто Лу Жань уже утвержден на роль. Су Чэнь поддакнул:

— Верно, поесть можно и потом, главное — вопрос с исполнением роли.

Юнь Цинъи тихо рассмеялся. Этот Сунь Ли иногда был так похож на Цинь Цяньцзе.

— Чего смеешься? — спросил тот.

— Смеюсь, потому что ты красивый...

— Правда? Я тоже так считаю...

— Как планируешь завтрашнюю сцену? — спросил Юнь Цинъи.

— Сегодня вечером потренируюсь, почувствую тело. Летать по небу, конечно, не выйдет, но на земле подвигаться смогу. Вернемся — найдем в сети популярные боевики, посмотрим на их приемы.

Вернувшись домой, Цинь Цяньцзе первым делом включил компьютер и нашел несколько высокооцененных фильмов. Сюжет его не интересовал — он перематывал сразу к дракам и начал давать советы:

— Движение неточное. Как он собирается сбить противника? Слишком фальшиво...

— Амплитуда слишком большая, сразу видно — не контролирует силу.

— У него ноги сводит? Где мощь? Где энергия?

— Хлам! — Цинь Цяньцзе сердито выключил видео. — Как можно так не уважать боевые искусства? Помахали руками — и называют это фильмом! Просто абсурд, даже на театральной сцене актеры и то лучше двигаются!

Юнь Цинъи смотрел на Цинь Цяньцзе, который сидел на диване, надувшись, как обиженный подросток. Когда они погибли, ему было двадцать, а Цинь Цяньцзе — двадцать три. По меркам этого мира, где живут до ста лет, они и правда были еще мальчишками. От этой мысли его голос смягчился:

— Не злись. Это не та эпоха, где превыше всего ценят боевое мастерство. Если их техника слаба, это только подчеркнет твою. Разве это не поможет Лу Жаню получить награду?

Юнь Цинъи увидел, что Цинь Цяньцзе не спорит, и решил отвлечь его:

— Ты ведь хотел потренироваться? Лучше начни, координация этого тела не выдержит твоих высоких требований.

Цинь Цяньцзе встал, отодвинул диван и журнальный столик и начал разминку в центре гостиной. Хотя Лу Жань поддерживал форму, базы боевых искусств у него не было. Координация была ни к черту по сравнению с тем, к чему привык Цинь Цяньцзе.

— Используй технику, которой учил тебя учитель, с самых азов. Не бери сложные приемы, это тело их не потянет.

Цинь Цяньцзе глубоко вздохнул, стараясь вспомнить уроки Гу Саньсы. Спустя долгое время он начал двигаться. Хотя было тяжело, стало гораздо лучше. Он утешал себя: база всё равно лучше, чем у них! Кроме как против Юнь Цинъи, он любому навалает.

При мысли о том, что он не мог одолеть Юнь Цинъи, он вспомнил их последний и единственный официальный поединок. Посторонние думали, что он преследовал Юнь Цинъи из-за давней ненависти. Но какая может быть ненависть? Он был сиротой, воспитанным учителем, и до сих пор даже не знал, как пахнут девушки, не говоря уж о женитьбе.

Каждый раз он вызывал Юнь Цинъи на бой, потому что после пары побед кто-то обязательно упоминал, что Юнь Цинъи, мол, мастерски в одиночку взял логово бандитов и спас девушек. А потом один почтенный мастер посоветовал ему не зазнаваться: либо он встречал самозванца, либо Юнь Цинъи ему поддавался. Если бы тот хотел славы, давно стал бы Главой Союза.

Юнь Цинъи он ни с кем не мог спутать. Его портрет годами висел у него в комнате, а учитель всегда ставил его в пример. Тот мастер никогда не лгал, значит, победить Юнь Цинъи было действительно трудно.

Он раз за разом искал честного поединка, но Юнь Цинъи умел увиливать как никто другой. В одиннадцатый раз на Белой горе, когда он пригрозил, что если тот снова проиграет или сбежит, он устроит скандал на Большом собрании, Юнь Цинъи наконец сдался. В пределах пятидесяти приемов он проиграл вчистую. Но на сердце было радостно: этот человек во всем был лучше него, проиграть такому было не стыдно!

На следующее утро Су Чэнь сам отвез Цинь Цяньцзе на площадку. Юнь Цинъи уже объяснил ему, что такое спецэффекты. Когда он вошел в огромный ангар, заполненный зелеными экранами, он не выказал удивления, оставаясь невозмутимым, как гора.

Чжао Цянь, увидев Лу Жаня, без колебаний указал наверх:

— Обычные танцы с мечами — пустая трата времени. Цепляйте тросы.

Су Чэнь был в шоке: старик решил играть по-крупному. Цинь Цяньцзе, глядя на тонкий стальной трос, усмехнулся: висеть на нем куда удобнее, чем стоять... Су Чэнь схватил его:

— Лу Жань, не шути, поранишься.

Он знал биографию Лу Жаня наизусть — тот никогда не занимался боевыми искусствами. Может, на земле он и справится, но тросы — это издевательство. Если он пострадает, что делать? Он видел, что Чжао Цянь специально усложняет задачу, чтобы они отступили. Но Лу Жань, увидев тросы, загорелся и уже рвался вперед. Су Чэнь перехватил его за запястье:

— Ты не пробовал, я боюсь за тебя.

Цинь Цяньцзе дернул рукой, и его пальцы случайно скользнули по ладони Су Чэня.

— Не бойся, всё будет хорошо.

Мимолетное прикосновение дошло до самого сердца Су Чэня, заставив его пропустить удар.

Пока он приходил в себя, рабочие уже начали надевать на Лу Жаня снаряжение. Юнь Цинъи с интересом наблюдал за ними: в глазах Чжао Цяня читался расчет, Сунь Ли светился от восторга, а Су Чэнь был полон тревоги.

Чжао Цянь скрестил руки на груди, не давая никаких указаний — он хотел, чтобы Лу Жань проявил себя сам. Цинь Цяньцзе, застегнув ремни, попросил нож.

— Нож? Какой?

— Ивовый лист знаешь?

Рабочие принесли бутафорский нож — лезвие было тупым, зато блестело как настоящее. Цинь Цяньцзе взял его в левую руку, скрестил руки на груди и выпрямился. Чжао Цянь усмехнулся: выглядит неплохо, посмотрим, как ты запоешь, когда поднимешься вверх. Он кивнул рабочим, чтобы те начинали.

<http://bllate.org/book/22187/2312121>